

«Анархия субъекта» и концепция индивида в философии Ф. Ницше

© 2020 г. Г.С. Семиглазов

Факультет гуманитарных наук, школа философии НИУ ВШЭ,

г. Москва, 101000, у. Мясницкая, д. 20

E-mail: dbrhe@mail.ru

Поступила: 24. 07. 2019

Статья рассматривает интерпретацию философии Фридриха Ницше в рамках идеологии постанархизма. Льюис Колл, современный теоретик и исследователь анархизма, полагает, что для этого направления социально-политической мысли актуальность ницшеанских идей обусловлена тем, что они задают новый взгляд на человека. Это новшество определяется Л. Коллом через термин «анархия субъекта», указывающий на динамичность и децентрализованность индивида, лишённого укорененности в рациональном *cogito*. Истоки такой субъективности приписываются как раз ницшевской философии. Однако, автор статьи показывает, что слово «анархия» употребляется Ницше в негативной коннотации – этому понятию противопоставляется представление об иерархии, используемое в том числе и в концепции индивида. На основе анализа первоисточников, делается вывод о спорности предложенной Л. Коллом трактовке ницшевских идей и неправомерности применения формулы «анархия субъекта» к той модели личности, которая присутствует на страницах текстов немецкого мыслителя.

Ключевые слова: Ф. Ницше, анархия, иерархия, постанархизм, ницшеанство, субъект, индивид, свобода воли, инстинкт.

DOI:

Цитирование: Семиглазов Г.С. «Анархия субъекта» и концепция индивида в философии Ф. Ницше // Вопросы философии, 2020. № 4. С. 177 – 186.

“Anarchy of the subject” and the concept of the individual in F. Nietzsche's philosophy

© 2020 G. S. Semiglazov

*Higher School of Economics – National Research University, Myasnitskaya 20, Moscow,
101000, Russian Federation*

E-mail: dbrhe@mail.ru

Received: 24.07.2019

This article focuses on the interpretation of Friedrich Nietzsche's philosophy in the post-anarchism ideology. Lewis Call, contemporary researcher of anarchism, claims that Nietzsche's philosophy provides a new outlook on the individual. It can be described through the term “anarchy of the subject”, indicating dynamic and decentralized personality. The origin of this concept is attributed to the Nietzschean thought. However, the author of the article points out that the term “anarchy” has a negative connotations in Nietzsche's works. Furthermore, this concept is opposed to the idea of hierarchy, which Nietzsche transfers to the individual. Through the analysis of the original sources concludes the controversy of the interpretation, proposed by L. Call – his term “anarchy of the subject” might be useful for modern discussion around post-anarchism ideology, however, without a straight connection to Nietzsche's philosophy.

Key words: F. Nietzsche, anarchism, post-anarchism, nietzscheanism, subject, individual, free will, instinct, hierarchy

DOI:

Citation: Semiglazov, Georgiy (2020), *Voprosy Filosofii*, Vol. 4 (2020), “Anarchy of the subject” and the concept of the individual in F. Nietzsche's philosophy pp. 177 – 186.

В контексте «ницшеевского ренессанса» в России, наблюдающегося с конца прошлого столетия, что, в частности, констатирует в своих исследованиях Ю. В. Синеокая [Синеокая 1999; Синеокая 2015], уместно обратить внимание и на прочтение Фридриха Ницше в социально-политической мысли XX–XXI веков. Эта тема популярна в настоящее время, например, благодаря дискуссии по теории демократии и возможности использования ницшеанских идей в ее рамкахⁱ.

Один из аспектов названной проблемы связан с интерпретацией философии Ницше в учениях анархизма. Анархическая рецепция ницшеанства возникла в начале XX века, когда труды немецкого мыслителя получили признание в широких общественных кругах. Известно, что сам Ницше открыто критиковал анархизм за связь его идей с христианством. Тем не менее тексты философа стали важным источником вдохновения для анархически настроенных авторов: на Ницше ссылались как российские, например Алексей Боровой (1875–1935)ⁱⁱ, так и западные теоретики анархизма: Рудольф Роккер (1873–1958)ⁱⁱⁱ, Густав Ландауэр (1970–1919)^{iv}, Эмма Гольдман (1869–1940)^v и ряд других.

В XX веке движение анархизма испытало взлеты и падения: его представители оказали существенное влияние на политическую жизнь различных стран, например Испании и России, но были практически полностью уничтожены в течение десятилетия европейской истории, связанного со Второй мировой войной и установлением послевоенного порядка. Интерес к учению анархизма возродился после событий 1968 года: тогда на смену «классическому анархизму» пришли молодежные движения, воодушевленные идеями культурной революции и «левой» философии, и применявшие анархистскую тактику для создания автономных групп, независимых от какой-либо централизованной системы (см. [Рябов web]).

С конца 60-х годов происходит постепенное формирование идеологии постанархизма (названного так по аналогии с постструктурализмом, который новая анархистская мысль брала себе на вооружение). В полной мере эта идеология обретает четкость к середине 80-х, когда в употребление входит и сам термин «постанархизм». В настоящее время его ведущими теоретиками являются Мишель Онфре, Соул Ньюман, Тодд Мэй, Эндрю М. Кох и Льюис Колл, о работе которого пойдет речь, а также ряд других известных интеллектуалов.

Стоит отметить, что в пространстве российской философии постанархизм – относительно новое и малоизученное направление в анархической мысли, которое все еще развивается вплоть до сегодняшнего дня. Как указывает Д. Поляков [Поляков 2015],

постанархизм оказался «детисцем» начавшейся информационной эпохи, поставив перед собой задачу переосмысления концептов власти и управления в соответствии с вызовом времени. Исходя из этого, теоретики postanархизма стремятся дистанцироваться от наследия «классического анархизма», учение которого не совсем подходит для реалий XXI века как раз в связи со своими «устаревшими» представлениями о власти и господстве.

Поскольку как классический, так и современный анархизм заявляет о своей связи с идейным наследием Ницше, имеет смысл определить, насколько бережно относятся к этому наследию теоретики postanархизма, адаптирующие его к своему социально-политическому проекту.

Льюис Колл, профессор истории Политехнического университета штата Калифорния, в программной книге «Постмодернистский анархизм» (*Postmodern anarchism, 2002*)^{vi}, определяя анархизм как «гибкую и свободную теорию», которая «идеально подходит для постмодернистского мира» [Call 2002, 11], указывает на ницшеанскую мысль как на один из теоретических источников и даже фундамент postanархизма. В отказе Ницше от определения индивида через ряд характеристик, связанных с разумом, Колл видит начало анархистской критики существующего политического порядка. Он пишет: «Философия Ницше... указывает на новый тип анархистской политики... создает анархию субъекта, насильственно дестабилизируя концепцию постпросветительского субъективизма, лежащую в основе всех современных политических философий» [Ibid., 33].

В понятиях «анархия становления» и «анархия субъекта», предлагаемых Коллом, кроется ключ к анархическому прочтению ницшеанства. Эти концепты развиваются Коллом, в том числе, под влиянием философии Делёза и Фуко, которым посвящена отдельная глава монографии: французские постструктуралисты также указали на динамичность субъекта, не поддающегося определению через универсальные атрибуты «парадигмы ratio». Однако, по Коллу, именно Ницше принадлежит первенство в той критике Просвещения, которую позднее подхватит постструктурализм: «После Ницше философия не может действовать так, как раньше. Его децентрализованный (*dispersed*), нелинейный, афористический стиль в сочетании с мощно дестабилизирующим генеалогическим методом порождает мышление, которое ставит все под вопрос: нашу эпистемологическую веру в способность понимать правду о себе и мире и даже нашу онтологическую уверенность в нашем существовании как разумных личностей, обладающих свободой воли» [Ibid., 2].

Колл полагает, что ницшевская модель изменчивого субъекта должна быть взята на вооружение современными анархистами. Именно ее динамизм задает вектор сопротивления властным отношениям, коренящимся в нововременном рационализме. В динамическом понимании личности заключается и главное расхождение между современными и

классическими анархистами – Пруденом, Бакуниным и Кропоткиным. Классический анархизм, опиравшийся на модель статичного и универсального субъекта, был связан границами «человеческой природы» – с определенным набором присущих ей качеств, таких, например, как стремление к взаимопомощи (по Кропоткину). По той же причине классические анархисты не смогли дистанцироваться ни от порядка, который критиковали, ни от языка, воспроизводившего политическую логику сложившейся системы, – именно это обстоятельство наложило ограничения на концепции анархистов: в результате не могло быть и речи о полноценном преобразовании общественной жизни.

Исходя из этого, Колл предлагает усвоить произведенное Ницше преобразование языка, позволяющее переосмыслить те основания субъективности, в которых проявляется статичность рациональности: «На самом деле, Ницше способен вести речь за горизонтом разума. Он делает это, когда говорит через серию слабо связанных афоризмов и, конечно же, когда использует яркий метафорический язык в “Так говорил Заратустра”» [Ibid., 39]. Субъект нового типа предстает, благодаря произведенному Ницше перевороту, постоянно реинтерпретирующим собственные границы, выходящим за их пределы, – именно так, по Коллу, и «работает» искомая «анархия становления», «анархия субъекта». «Ницше рассматривает людей не как законченные существа, – пишет Колл, – но как произведения искусства и, в частности, незавершенные работы. Философия становления подразумевает единый этический императив: стать тем, кто ты есть, сотворить себя как шедевр. И, как утверждает Ницше, это предполагает создание собственного закона» [Ibid., 51].

Возникает, однако, вопрос: является ли концепт «анархии субъекта», выделенный Коллом в качестве краеугольного камня теории постанархизма, аутентично «ницшеанским»?

С одной стороны, Колл совершенно прав в оценке мысли Ницше как подрывающей основания новоевропейской рациональности и связанного с ней статичного представления об индивиде^{vii}. Вот, что, к примеру, Ницше писал в своем дневнике: «Видимость данности и устойчивости в индивидууме, видимость произвольных поступков, видимость абсолютного характера поступков, видимость абсолютной ценности определенных поступков (т.е. безгранично высокой ценности) – эти четыре заблуждения больше всего способствовали дальнейшему развитию морали» [Ницше 2013, 54], – пассаж, обнаруживающий ключевую интуицию Ницше, подхваченную Коллом: статичный индивид есть иллюзия, обусловленная многовековым наследием европейской философии.

Почему немецкого мыслителя не устраивает «неизменность субъекта»? Ответ заключен в словах «видимость произвольных поступков»: с представлением о статичном индивиде сопряжено «заблуждение», касающееся пресловутой свободы воли. Признание последней становится, по мнению Ницше, причиной обесценивая жизни. Логика его такова:

человек, провозглашая ответственность за поступки, проистекающие из свободной воли, не может не хотеть исправить их, испытывая вину за содеянное. Где возникает чувство вины, там появляется желание мстить себе за собственное несовершенство и невозможность изменить положение дел к лучшему, и все это заканчивается пессимизмом и неприятием мира, сопровождающимися бегством в область потустороннего. Ницше стремится реабилитировать жизнь, выдвигая тезис о невинности всего сущего. Невинность же возможна там, где отсутствует «дискурс ответственности», что особенно важно, когда речь идет о человеке: нет «свободы воли» – нет «нечистой совести». Ницше, и это импонирует Льюису Коллу, предлагает трактовку личности как ансамбля инстинктов и сил, независимых от человеческой воли, – индивид больше не рассматривается как замкнутый на самого себя и неизменный^{viii}.

В ницшеанской модели можно выделить два аспекта, или уровня, человеческого существа: социальный и личностный – в последнем заключено то, что придает конкретному человеку уникальность и неповторимость, социальный же аспект связан с человеческим сознанием, укорененным в языке^{ix}. «Моя мысль, – пишет Ницше, – как видите, сводится к тому, что сознание есть свойство не собственно индивидуального существования человека, а, скорее, того, что присутствует в нем родового и стадного; оно, как и следует отсюда, достигает утонченного развития лишь в связи с общинной и стадной полезностью...» [Ницше 2014, 542]. Как отмечает А.А. Лаврова, для Ницше язык – явление социального порядка: он невозможен в качестве изобретения какого-то одного человека. Но это означает, что там, где используются слова и понятия, там речь идет и о чем-то усредненном, поверхностном (заметим в скобках, что в данном пункте Ницше близок современным постанархистам, указывающим на лингвистический аспект властных отношений и на необходимость критики языка, эти властные отношения поддерживающего). Подлинная индивидуальность, по Ницше, принадлежит сфере инстинктов, невыразимых в языке, но проявляющих себя в человеческих действиях: «Нет никакого сомнения, все наши поступки, в сущности, неповторимо личностны, уникальны, безгранично-индивидуальны; но стоит лишь нам перенести их в сознание, как они уже не выглядят таковыми...» [Там же, 542]. «Познать самого себя» можно лишь через поступки – апелляция к каким-либо разумным обоснованиям, «рациональному фундаменту» действия при этом бессмысленна; строго говоря, такие обоснования и появляются лишь *post factum*.

Заданное Ницше определение человека через инстинкты и импульсы, нивелирующее рациональность, важно для Льюиса Колла. Это позволяет ему говорить об «анархии субъекта», как о концепте не только постанархистском, но и ницшеанском. Однако, вопреки уверенности Колла, именно в этой точке и проявляют себя различия между мыслью самого Ницше и той интерпретацией, которую дает ей современный постанархизм. Субъект действительно, по

Ницше, представляет собой ансамбль сил, находящихся в изменении и противоборстве. Но значит ли это, что Ницше говорит об *анархии* этих сил – их децентрализованности и хаосе? Достаточно вспомнить его рассуждения об аполлоническом (рациональном, индивидуализирующем) и дионисийском (уничтожающем границы индивида) началах в культуре древних греков и о выдвинутом им идеале человека – об образе музицирующего Сократа, гармонически сочетающего оба начала [Ницше 2012 I 1, 101–102], – и можно сделать вывод: согласно Ницше, человеческая личность не должна быть носителем одного только начала хаоса, не ограничиваемого его противоположностью – упорядочивающим началом. А когда Ницше отмечает, что в субъекте нет раз и навсегда установленного центра, определяющего его жизнь, это не значит, что тем самым отрицается существование центра как такового. Человек подвержен действию внешних по отношению к нему сил, меняющих его на протяжении жизни. Поэтому представление, будто личность выстраивается вокруг одной-единственной статичной точки или оси, не что иное, как бессмыслица – весь мир есть становление, в нем трансформируются не только силы природы, но и человеческие чувства и представления. А значит, следует говорить не о статичной точке организации индивида, а о череде таких точек, сменяющих одна другую, но сохраняющих сам принцип целостности. Если бы задающее порядок начало отсутствовало полностью, субъект представлял бы собой множество случайных «вспышек» импульсов, не столько формирующих личность, сколько уничтожающих ее. Так человек не смог бы сделать из своей жизни произведение искусства (отличительная черта которого связана с *единством* стиля), а это – главная, по мысли Ницше, задача личности, на что, кстати, обращает внимание и Льюис Колл.

Ницше пишет о губительности беспорядочных импульсов в индивидуальной истории человека: «Времена, в которые происходит становление индивидуумов, оказываются временем развращенности нравов, так называемой порчи, т.е. все инстинкты стремятся попробовать себя в отдельности и, пока еще не приспособленные к индивидуальной пользе (курсив мой. – Г.С.), разрушают индивидуум своим избытком. Или они разрывают его на части в своей борьбе друг с другом» [Ницше 2013, 474]. Задача самосохранения индивида в качестве цельного проекта учитывается Ницше при его оценке инстинктов как формирующих уникальный облик человека. Индивид, не способный организовать свою жизнь вокруг чего-то устойчивого – стать господином самому себе – либо погибает, либо вынужден прибегнуть к внешним по отношению к собственной личности институтам, например, к морали, привносящей в жизнь минимальную упорядоченность.

На необходимость порядка действующих внутри человека сил указывает и то, что многообразие инстинктов Ницше понимает как выражение *одного* стремления. Им оказывается воля к власти: «Допустим, наконец, что удалось бы объяснить совокупную

жизнь наших инстинктов как оформление и разветвление одной основной формы воли – именно, воли к власти, как гласит моё положение...» [Ницше 2012 V, 50–51]. Если воля к власти рассматривается как сила, накапливающая жизненную энергию, она не может представлять собой только хаос импульсов, который оказался бы чужд этой цели, скорее растрачивая ресурсы без способности их дальнейшего преобразования в расширение границ господства.

Если исходить из сказанного Ницше, тезис Колла об «анархии субъекта», ставящего акцент только на изменчивости личности, выглядит неправомерным. Да, субъект динамичен, но его динамика упорядочена некой центральной точкой, волей к власти, увеличивающей могущество индивида. Изменчивость обусловлена тем, какой инстинкт в настоящее время будет способствовать полноте утверждения этой воли. И человеку требуется выработать навык оценки (являющийся не сознательной, но телесной способностью [Ницше 2012 XI, 159]), на основе которого в действие вступает наиболее подходящий импульс. Индивид есть не просто ансамбль борющихся сил, но их строгая *иерархия*, в которой в каждый момент времени господствует какой-либо один инстинкт: «Человек представляет собой многообразие сил, которые находятся в определенном ранговом порядке, предполагающем наличие приказывающих; в то же время, приказывающие обязаны делать для повинующихся все, что необходимо для их сохранения, и, следовательно, сами зависят от их существования» [Там же, 417]. Поэтому мы не можем согласиться с Коллом, что ницшевская модель индивида может быть названа «анархией субъекта». Согласно Ницше, личность представляет собой строгую субординацию импульсов и их соотношенность друг с другом, в которой, в том числе, сохраняется принцип единства.

Идея иерархии оказывается столь значимой для Ницше, что он видит ее проявления повсюду. Так, в «Антихристианине» (1888) Ницше с благосклонностью описывает модель кастового строя, члены которого, занимают строго отведенное им место, следуя порядку самой природы: «Кастовая иерархия (высший, над всем царящий закон) лишь освящает порядок природы, первостепенный естественный закон, над которым не властны ни произвол, ни какая-нибудь “современная идея”. Во всяком здоровом обществе различаются и обуславливают друг друга три типа с разными в физиологическом смысле тяготениями центров тяжести – у каждого своя гигиена, своя сфера труда, свое особое мастерство и чувство совершенства. Не Ману, а природа разделяет людей духовных по преимуществу, людей по преимуществу мышечных, с сильным темпераментом и, наконец, третьих, не выдающихся ни в одном, ни в другом, посредственных» [Ницше 2009, 173–174].

Общество, как и индивид, представляет собой организм, который необходимо понимать исходя из единства, а не какого-то одного элемента, выбивающегося из общего

строю. Об этом в том числе свидетельствуют и такие размышления Ницше: «История учит, что у всех народов лучше всего сохраняется то племя, где у большинства людей есть ярко выраженное чувство солидарности, возникшее вследствие тождества привычных для них и непререкаемых принципов, то есть вследствие общей для них веры. Здесь крепнут хорошие, дельные нравы, здесь индивид учится подчинению, а его характер получает стойкость уже в виде подарка, который потом закрепляется воспитанием. <...> Интеллектуальный прогресс в подобных сообществах – дело индивидов более распушенных, более ненадежных и морально менее стойких: это те люди, которые пробуют все новое и вообще разнообразное» [Ницше 2011, 171].

Хотя символ «свободного ума», способного освободиться от действия традиции и нормы, играет важную роль в философии Ницше, необходимо помнить, что это освобождение происходит на фоне сложившегося порядка, которое позволяет воспитать сильного индивида, а также обеспечить долговечность сообщества. Кроме того, со словом «порядок» Ницше связывает представление о здоровье и силе, тогда как, говоря о «свободном уме», он указывает на болезни и слабость, способствующие отпадению «освободившегося» человека от коллектива, к которому он изначально принадлежал.

Неправомерность описания ницшевской модели индивида через термин «анархия субъекта» не вызывает, таким образом, сомнения. Не «анархия» и «дезорганизованность», а «иерархия» и «организация» – вот понятия, которые определяют эту модель. На шаткость позиции Колла, уверенного, что его модель анархической субъективности строится на ницшеанском фундаменте, указывает и разбор понятия «анархия» у Ницше.

Феномен анархии Ницше встраивает в линию преемственности между современной ему социально-политической идеологией и христианством: анархизм, согласно Ницше, является секуляризованной формой этой религии. Со своим метафизическим источником его объединяют два момента. Во-первых, как христианство предполагает движение мира к конечной цели (Царству Божьему), так и анархизм исповедует установление конечной формы общества, где «эксплуататорам» воздастся за ту несправедливость, которую они причиняли угнетаемым классам (например, рабочим). И в этом оба – и христианство, и анархизм – впадают в одну ошибку: мир есть становление и игра сил, не стремящихся к цели, к завершенности. Во-вторых, анархизм и христианство роднит вызывающая их сила – ressentiment, озлобление, вызванное завистью слабого к сильному. Как христианство стремится отомстить миру за его несовершенство, так и анархизм пытается мстить несправедливой социальной действительности, чьей отличительной чертой является неравенство людей. Ницше пишет: «В других случаях обделенный ищет тому причину не в своей собственной “виновности” (как христианин), но в обществе: социалист, анархист,

нигилист, воспринимая свое существование как нечто такое, в чем повинен кто-то другой, тем самым остаются в теснейшем родстве с христианином, который тоже думает, будто он плох и не вышел в люди, всего легче, если он нашел кого-то, на кого можно возложить ответственность за это» [Ницше 2006, 217].

Отметим, что Льюис Колл упоминает ницшевскую критическую оценку анархизма как социально-политического движения, учитывая ее при построении своей модели «анархии становления», однако указывает на особенности его трактовки: «Анархизм проблематичен для Ницше в той степени, в какой он является деструктивной формой культурного нигилизма; и действительно, термины “анархист” и “нигилист” часто использовались как взаимозаменяемые в европейской политической культуре конца XIX века. Таким образом, Ницше кажется, что анархизм является культурным феноменом, а не только политическим. Проблема, с которой Ницше столкнулся у анархистов, бывших его современниками, а также у социалистов, феминисток, националистов... заключается в том, что они, по его мнению, представляли симптом чрезвычайно раздробленной и опасной декадентской политической культуры» [Call 2002, 40].

Однако рассмотрение анархизма в качестве *культурного* феномена является лишь одной из возможных интерпретаций этого понятия. Как «иерархия» описывает у Ницше не только социальный порядок, но и индивида в качестве организованного физиологического целого, так «анархизм» применяется им при анализе не только культурных процессов, но и процессов *физиологических*, а именно таких, которые разрушающе действуют на человека как цельный организм. В «Рождении трагедии из духа музыки» (1872) мы читаем: «...то, что погубило трагедию, сократизм морали, диалектика, самодовольство и веселость теоретического человека – что же, разве не мог именно этот сократизм быть признаком упадка, утомления, болезни, *анархически распадающихся инстинктов?* (курсив мой. – С.Г.)» [Ницше 2012 I 1, 10]. «Анархия инстинктов» это то выражение, которое, учитывая, что у Ницше «инстинкты» и «субъект» – по сути синонимы, а анархизм рассматривается им исключительно в негативном ключе, наделено знаком, *прямо противоположным* тому, какой понятие «анархия субъекта» получает у Колла.

В пользу понимания анархии как физиологического состояния, характеризующегося упадком и разложением, свидетельствует и следующий фрагмент из дневников Ницше: «Раздор между страстями, двойственность, тройственность, множественность “душ в груди одной”»: весьма нездоровый, ведущий к внутреннему разорению, расщепляющий, обнаруживающий и усиливающий внутренний раскол и анархизм: пусть даже в конце концов верх берет какая-нибудь одна из страстей»^x [Ницше 2006, 313]. Таким образом, позитивно оцениваемый Коллом «плюрализм внутренней жизни», самим Ницше описывается

весьма и весьма критически, коль скоро в этой «множественности душ» отсутствует порядок: индивид представляет собой иерархию, а не анархию составляющих его сил. В каждый момент времени инстинкты находятся в состоянии подчинения одних другим: меняется лишь господствующая сила, но принцип сохраняется, поскольку обратное свидетельствует о состоянии нездоровья организма и истощения жизненной энергии.

Итак, приравнивая личность к совокупности движущих импульсов, Ницше задает новую антропологическую перспективу в рамках европейской философской традиции. Именно такое понимание человека (как становящегося и динамического существа) подхватывают современные постанархисты, во многом развивая его под влиянием французского постструктурализма. Однако, отождествление у Ницше субъекта и инстинктов не означает, что он говорит об анархии этих сил, – у него речь идет об их строгой субординации (иерархии). В результате, при попытке интеграции мысли Ницше с постанархизмом, обнаруживаются их серьезные несовпадения, что, тем не менее, не останавливает теоретиков анархизма от стремления использовать ницшевское наследие, по своему толкуя его, для обоснования собственной социально-политической программы. Эти интерпретации создают «анархический образ» Ницше, увы, отличный от реального, что мы и увидели на примере целого ряда текстов базельского мыслителя.

Примечания

Starcross L. (2004) "Nietzsche was an anarchist": Reconstructing Emma Goldman's Nietzsche Lectures', Moore J. (ed) *I am not a man, I am Dynamite! Friedrich Nietzsche and the*

A
n
a
r i Эта тема затрагивается в сборниках «Ницше и современная западная мысль» (2003), «Nietzsche, Power and Politics: Rethinking Nietzsche's Legacy for Political Thought» (2008), а также в книге Ф. Аппеля «Ницше против демократии» [Аппель 2016] и др.

c ii Подробнее о нем см.: [Рябов^а 2010], [Рябов^б 2010].

h iii О жизни и идеях Р. Рокера см.: [Graur 1989 web].

i iv Подробнее о нем см.: [Lunn 1973].

s v О связи идей Ницше с творчеством Э. Гольдман см.: [Starcross 2004].

t vi Дискуссии вокруг идей Л. Колла продолжились и спустя несколько лет после публикации этой работы. См., например: [Jun 2011] или [Bertalan 2011].

t vii Еще Адорно и Хоркхаймер отмечали в середине прошлого века: «Ницше, как немногим со времен Гегеля, удалось постичь диалектику просвещения. Им было сформулировано его двойственное отношение к господству... Но в то время как само

d

i

t

отношение Ницше к просвещению, и тем самым к Гомеру, оставалось все же двойственным; в то время как он усматривал в просвещении равным образом как универсальное движение суверенного духа, чьим завершителем он себя ощущал, так и враждебную жизни, “нигилистическую” силу, у его профашистских отпрысков сохранился один только второй момент, перверсивно превращенный в идеологию» [Хоркхаймер, Адорно 1997, 62].

viii Б. Марков пишет: «Поэтому вместо индивидуума Ницше говорит о дивидууме. Это понятие означает делимость нашего Я, которое ни в коем случае не является простым атомом душевной субстанции... Наше Я – это сложный конструкт, созданный отнюдь не нами самими. Поэтому брать «Я-идеал» следует исключительно в перчатках, чтобы не заразиться вложенными в него вирусами всех болезней цивилизации» [Марков 2005, 601–602].

ix А. Лаврова указывает: «Продолжая линию Гердера и Гумбольдта, вопрос о происхождении языка Ницше связывает с вопросом о происхождении разума. Переход от перцепции к апперцепции происходит, считает Ницше, не в недрах индивидуального сознания, а сопряжен с формированием сообщества людей, где индивидуальный опыт как бы приводится к общему знаменателю и, облекаясь в словесную форму, становится доступным разумному сознанию и самосознанию» [Лаврова 1999, 213].

x Ср. с позицией Л. Колла: «Анархия субъекта способствует сохранению и развитию различий и Инаковости в рамках постмодернистского проекта. Настаивая на том, что все индивидуальности должны быть строго временными, и поощряя развитие множества нитей субъективности в пределах одной “личности”, эта анархия субъекта исключает возможность субъективности тоталитарной» [Call 2002, 22].

Источнику – Primary Sources and Russian Translations

Ницше 2006 – *Ницше Ф.* Полное собрание сочинений. В 13 тт. Т. 13.: Черновики и наброски 1887–1889 гг. / Пер. с нем. В. Бакусева и А. Гараджи. М.: Культурная революция, 2006 [Nietzsche Friedrich W., *Drafts and Essays of 1887 – 1889* (Russian Translation 2006)].

Ницше 2009 – *Ницше Ф.* Полное собрание сочинений: В 13 тт. Т. 6.: Антихристианин / Пер. с нем. А. Михайлова. М.: Культурная революция, 2009. С. 107–185 [Nietzsche Friedrich W., *The Antichrist* (Russian Translation 2009)].

Ницше 2011 – *Ницше Ф.* Полное собрание сочинений в 13 тт. Т. 2.: Человеческое, слишком человеческое / Пер. с нем. В. Бакусева. М.: Культурная революция, 2011 [Nietzsche Friedrich W., *Human, All Too Human* (Russian Translation 2011)].

Ницше 2012 – *Ницше Ф.* Полное собрание сочинений: В 13 тт. Т. 1–11. М.: Культурная революция, 2012 [Nietzsche Friedrich W., (Russian Translation 2012)].

Ницше 2013 – *Ницше Ф.* Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 9.: Черновики и наброски 1880 – 1882 гг. / Пер. с нем. А. Карельского и др. М.: Культурная революция, 2013 [Nietzsche Friedrich W., *Drafts and Essays of 1880 – 1882* (Russian Translation 2013)].

Ницше 2014 – *Ницше Ф.* Полное собрание сочинений: В 13 тт. Т. 3.: Веселая наука / Пер. с нем. К. Свасьяна. М.: Культурная революция, 2014. С. 313 – 597 [Nietzsche Friedrich W., *The Gay Science* (Russian Translation 2014)].

Хоркхаймер, Адорно, 1997 – *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика просвещения / Пер. с нем. М. Кузнецова. М., СПб.: Медиум, Ювента, 1997 [Horkheimer, Max, Adorno, Theodor (1947), *Dialektik der Aufklärung* (Russian Translation 1997)].

Call 2002 – *Call L.* Postmodern Anarchism. Lexington Books, 2002.

Ссылки – References in Russian

Аппель 2016 – *Аппель Ф.* Ницше против демократии / Пер. с англ. А. Говорунова. СПб.: Наука, 2016.

Лаврова 1999 – *Лаврова А.А.* Философия языка Ф. Ницше: вызов традиции? // Фридрих Ницше и философия в России. Сборник статей. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1999. С. 208 – 221.

Марков 2005 – *Марков Б.В.* Человек, государство и Бог в философии Ницше. СПб.: Владимир Даль, 2005.

Поляков 2015 – *Поляков Д.Б.* Постанархизм. Сол Ньюмен и теория новой радикальной политики // Философские науки, 6/2015, с. 50-56.

Рябов 2010^а – *Рябов П.В.* Алексей Боровой и философия Фридриха Ницше (из истории русского ницшеанства в начале XX века) // Преподаватель XXI век, 2/2010, с. 217-225.

Рябов 2010^б – *Рябов П.В.* Анархическая философия А. Борового (из истории русского бергсонизма) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки, 2010. Вып. 6, с. 24-33.

Рябов web – Рябов П.В. Краткий очерк истории анархизма. URL // <https://ru.theanarchistlibrary.org/library/petr-ryabov-kratkij-ocherk-istorii-anarhizma>.

Синеокая 1999 – Синеокая Ю. Восприятие идей Ницше в России: основные этапы, тенденции, значение // Фридрих Ницше и философия в России. Сборник статей. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1999. С. 7 – 38.

Синеокая 2015 – Синеокая Ю. Философия Фридриха Ницше как зеркало конструирования постсоветской национальной идентичности России // Вопросы философии. 2015. № 12.

References

Appel, Frederick (1999) *Nietzsche contra Democracy*, Cornell University Press, Ithaca, NY.

Bertalan, Hilton (2011) “When theories meet: Emma Goldman and ‘Post-Anarchism’”, *Post-anarchism: A Reader*, ed. by Rousselle D. and Evren S., Pluto Press, London, pp. 208 – 231.

Graur, Mina (1989) web, *An “Anarchist Rabbi”: The Life and Teaching of Rudolf Rocker*, Dissertation, UMI, Dissertation Services, Ann Arbor, Michigan (<https://scholarship.rice.edu/bitstream/handle/1911/16234/9012803.PDFsequence=1&isAllowed=y>)

Jun, Nathan (2011) “Reconsidering Post-Structuralism and Anarchism”, *Post-anarchism: A Reader*, ed. by Rousselle D. and Evren S., Pluto Press, London, pp. 231–250.

Lavrova, Alla A. (1999) “F. Nietzsche’s language philosophy: a challenge to tradition?”, *Friedrich Nietzsche i filosofija v Rossii. Sbornik statei*. SPb.: Izdatelstvo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta (In Russian).

Lunn, Eugene (1973) *Prophet of Community. The Romantic Socialism of Gustav Landauer*. University of California Press, Berkeley.

Markov, Boris V. (2005) *Man, State and God in Nietzsche's Philosophy*, Vladimir Dal, Saint Petersburg (in Russian).

Poliakov, Dmitry B. (2015) Postanarchism. Saul Newman and a Theory of New Radical Politics. *Russian Journal of Philosophical Sciences*, Vol. 6, pp. 50-56 (In Russian).

Ryabov, Petr V. (2010) “Alexey Borovoy and the Philosophy of Friedrich Nietzsche (from the history of Russian Nietzscheanism at the Beginning of the 20th Century)”, *Prepodavatel XXI vek*, Vol. 2 (2010), pp. 217–225 (in Russian).

Ryabov, Petr V. (2010) “The Anarchistic philosophy of A. Borovoy (from the history of Russian bergsonianism)”, *Vestnik Baltiiskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta, Seriya: Gumanitarnie i obshchestvennie nauki*, Vol. 6 (2010), pp. 24–33 (in Russian).

Ryabov, Petr V. (web) *A brief outline of the history of anarchism*, URL: <https://ru.theanarchistlibrary.org/library/petr-ryabov-kratkij-ocherk-istorii-anarhizma> (in Russian).

Sineokaya, Iulia V. (1999) “Perception of Nietzsche’s ideas in Russia: main stages, trends, significance”, *Friedrich Nietzsche i filozofia v Rossii. Sbornik statei*, SPb.: Izdatelstvo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta (in Russian).

Sineokaya, Iulia V. (2015) “Friedrich Nietzsche’s Philosophy as a Mirror of Designing of Post- Soviet National Identity of Russia”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2015) (in Russian)

Starcross, Leigh (2004) “Nietzsche was an anarchist: Reconstructing Emma Goldman’s Nietzsche Lectures” *I am not a man, I am Dynamite!: Friedrich Nietzsche and the Anarchist tradition*, ed. by Moore J., Autonomedia, NY, pp. 29 – 40.

Сведения об авторах *Author’s Information* СЕМИГЛАЗОВ Георгий Сергеевич –

аспирант факультета гуманитарных наук

НИУ ВШЭ SEMIGLAZOV Georgiy S. –

post-graduated student of the Faculty of Humanities of the Higher School of Economics – National Research University